

Л. Я. Боркин

почётный председатель Правления Санкт-Петербургского союза учёных

О Григории Самуиловиче Цейтине и Санкт-Петербургском союзе учёных

Благодаря письму проф. А. М. Вершика, с некоторым опозданием я узнал о смерти одного из основоположников Санкт-Петербургского (изначально Ленинградского) союза учёных, профессора, доктора физико-математических наук Григория Самуиловича Цейтина, о чём с глубоким прискорбием и личной печалью вынужден сообщить вам.

Я познакомился с Григорием Самуиловичем на излёте перестройки в 1989 году, когда огромная страна, называвшаяся Советский Союз, уже бурлила в предчувствии необратимых политических изменений. В Москве, а затем в других городах с развитой наукой в институтах Академии наук СССР (Ленинград, Новосибирск, Нижний Новгород) прошли собрания научных сотрудников, которые требовали избрания акад. А. Д. Сахарова в народные депутаты от АН СССР, что в итоге и произошло.

На волне протеста против советской и научной бюрократии в Москве появилась идея создать Союз учёных СССР. Эта идея была привезена мною в Ленинград, где в газете «Ленинградский университет» был опубликован призыв к созданию регионального отделения такого союза. Вскоре была образована инициативная группа из научных сотрудников АН СССР, вузов и прикладных институтов, которая занялась разработкой стратегии развития и подготовки учредительного съезда.

Со временем Г. С. Цейтин вошёл в эту группу занял в ней активную позицию. 28 октября 1989 г. был создан Ленинградский союз учёных (с 1991 г. – Санкт-Петербургский, СПбСУ). На Учредительной конференции, проходившей в Большом конференц-зале Ленинградского научного центра АН СССР был избран Координационный совет ЛСУ, членом которого по итогам тайного голосования был избран и Григорий Самуилович. К этой конференции был выпущен специальный номер университетской газеты, в котором он призвал считать защиту научных сотрудников от произвола администрации одним из важнейших направлений работы новой независимой организации.

Благодаря своей чёткой позиции, Григорий Самуилович внёс большой вклад в развитие демократической идеологии СПбСУ, что получило отражение в уставе, в отсутствие среди членов этой организации кастовости и сословности, где все равны и действует лишь естественный личный (и научный) авторитет, а не формальная статусность.

Григорий Самуилович пользовался большим уважением среди членов ЛСУ/СПбСУ и много раз избирался членом его Координационного совета (КС), всегда успешно проходя тайное голосование на годовых конференциях (на выборах была реальная конкуренция за место в КС и не все попадали туда).

Главную задачу СПбСУ Григорий Самуилович видел в защите прав учёных, в борьбе с бюрократией, в повышении престижа науки и защите научного мировоззрения в обществе на фоне растущего в стране клерикализма, получавшего политическую поддержку.

Он был очень принципиальным человеком, борцом за справедливость как в науке, так и в жизни, отличался прямой и несколько колючим («ежовым») характером, ненавидел чиновников, мог резко в лицо сказать то, что думал в их адрес, невзирая на статус. Иногда от него попадало и коллегам по СПбСУ, излишне, на его взгляд, прогибавшим свой позвоночник. В общем он был «правдорубом» и человеком вне «вертикали», неуправляемым, как говорят в коридорах власти.

Подчас он своими не во время сказанными резкостями даже мешал дипломатии СПбСУ и нашим контактам с важными гостями из Москвы и властями, без которых ни одна легитимная общественная организация существовать не может. Более того, отважно борясь за правду, он часто вредил себе самому, в том числе в Санкт-Петербургском государственном университете, не стесняясь говорить начальству правду; поэтому в определённой степени считался неуживчивым человеком.

Григорий Самуилович терпеть не мог беспринципный карьеризм, всякие интриги, доносы, закулисные наветы, заочное «поливание грязью», неприличные высказывания на этнической почве и прочую непристойную деятельность, которая нередка в нашей действительности.

Несмотря на свою яркую индивидуальность, он не был эгоцентриком. Всегда, невзирая на свою огромную занятость, откликался на необходимые дела по СПбСУ, активно участвовал в заседаниях КС, проводимых нами многочисленных тогда семинарах, совещаниях и пр., писал, правил (и переводил) английские тексты наших заявлений, отчётов и прочих документов и т.д. и т.п. В общем не жалел своего времени даже на техническую работу для СПбСУ и был хорошим, отзывчивым товарищем. Если надо было, то он без раздумий подставлял своё плечо, помогал коллегам, как живя в нашем городе, так и потом в США, доставал лекарства, деликатно содействовал деньгами.

Между прочим, исходя из своей специальности, он содействовал компьютеризации СПбСУ и ряду академических учреждений (в частности Санкт-Петербургскому филиалу Архива АН СССР/РАН). Это стало возможным благодаря контракту, заключённому СПбСУ в 1993 году с Министерством науки Российской Федерации (в бытность министром Б.Г. Салтыкова).

Григорий Самуилович был известным специалистом в области прикладной математики, заведовал лабораторией в ЛГУ/СПбГУ. Коллеги (не только математики и физики) по ЛСУ/СПбСУ понимали его научное значение, что придавало дополнительный вес его авторитету. В 1990-е трудные для отечественной науки годы он довольно быстро интегрировался в мировую (западную) науку, работая на международные заказы (насколько мне известно). Так как тогда информационные каналы связи работали плохо и были перегружены, то Григорий Самуилович для пересылки огромных массивов информации своим партнёрам использовал ночное время. Поэтому днём на заседаниях в СПбСУ иногда мог немного заснуть, правда, быстро просыпаясь, когда речь шла об острой проблеме.

Он также недолго работал, читая лекции, за рубежом (в частности в Великобритании). Однажды, вернувшись в Санкт-Петербург из такой поездки, он поделился со мною своим удивлением, когда в одном английском колледже студенты заполнили анкеты, где дали ему оценку как лектору и человеку. Для нас тогда это было в диковинку, поскольку мнением студентов никто в администрациях не интересовался. Потом такие опросы студентов были использованы для отбора профессоров для грантов по Соросовской программе поддержки образования, финансируемой специально созданным фондом американского финансиста Джорджа Сороса в России при благосклонном отношении тогдашних федеральных властей нашей страны.

Увы, убедившись в невозможности работать в полную силу в условиях деградирующей при Б.Н. Ельцине российской экономики и науки и видя полное безразличие к нуждам лаборатории со стороны университетского начальства, Григорий Самуилович решил уехать за рубеж. Он эмигрировал в США, где его знания по достоинству оценили и где он в итоге успешно устроился в Калифорнии (с его слов, первоначально у него были даже небольшие проблемы с работой, так как его высокая научная репутация не позволяла оформить его на неподходящие для его статуса, слишком низкие должности).

Проживая в США, Григорий Самуилович поддерживал связи с СПбСУ, в основном по электронной переписке, иногда по телефону. Мы, естественно, считали его своим, близким нам коллегой. Не удивительно, что он стал нашим представителем в США и даже имел официальный статус учёного секретаря КС СПбСУ по иностранным делам. Он был также в течение ряда лет нашим связным в Американской ассоциации содействия науке (AAAS), самой большой в мире неправительственной организации учёных, издающей в частности журнал “Science”, с которой мы неплохо сотрудничали. Замечу, что Григорий Самуилович содействовал нашим связям не только в США, но и в Западной Европе (контакты с EuroScience).

Григорий Самуилович был очень образованным человеком с широким кругозором, чему способствовали его исследования и разработки в прикладной математике. С ним было интересно и полезно в плане самообразования поговорить на самые разные темы. Он видел неожиданные взаимосвязи между, казалось бы, совершенно различными явлениями и вещами, в том числе бытовыми, на которые он смотрел глазами математика. Я помню его любопытные рассуждения об очереди как явлении и о балете (театре) с точки зрения посетителя (покупателя билетов). Везде можно найти тему для научного анализа, говорил он мне.

Несомненно, Григорий Самуилович был нашим доблестным Дон-Кихотом, который храбро бросался на ветряные, но крепкие и живучие, мельницы советской и российской бюрократии. Я живо представляю его нелицеприятные высказывания, если бы он жил *сейчас* в России, где наукой управляют те, кто в ней не понимают (оценка вице-президента РАН А.Р. Хохлова, 2020), и где сформировалась новая, пост-советская сплочённая «менагерско»-научная бюрократическая номенклатура 2.0 на фоне удивительной пассивности разочарованного, разрозненного и захиревшего научного сообщества, полностью утратившего свою пассионарность периода перестройки. При российском капитализме контроль над сотрудниками с помощью денег и частично привилегий оказался сильнее и эффективнее бывших политических и административных угроз советского времени. Понятие «свобода» было для Григория Самуиловича не пустым звуком, а личной необходимостью, и он «не продавался».

Я горжусь тем, что вместе с ним написал несколько статей о научной политике, научных обществах и СПбСУ.

Боркин Л.Я., Винников А.Я. и Цейтин Г.С. 1996. Роль негосударственных научных организаций в разработке и реализации законодательства и государственной научной политики. — *В кн.: Законодательство в научно-технической сфере в Российской Федерации и в странах Организации экономического содействия и развития (ОЭСР)*. Париж: Организация экономического сотрудничества и развития, с. 55–67.

Borkin L.J., Vinnikov A.Y. & Tseytin G.S. 1997. St. Petersburg: non-government scientific organizations. — *In: Balzer H.D. & Sawyer C.C. (eds.). Russian Science and Industrial Policy: Moscow and the Regions*. Conference Report. March 24–25, 1997. Washington, D.C.: Center for Eurasian, Russian and East European Studies, Georgetown University, p. 134–150.

Borkin L.J., Vinnikov A.Y. & Tseytin G.S. 1997. St. Petersburg: state science policy. — *In: Balzer H.D. & Sawyer C.C. (eds.). Russian Science and Industrial Policy: Moscow and the Regions*. Conference Report. March 24–25, 1997. Washington, D.C.: Center for Eurasian, Russian and East European Studies, Georgetown University, p. 151–171.

В СПбСУ мы всегда высоко ценили его, стараясь с юмором терпеть некоторые его колючие выпады, понимая, что это идёт от его чистого сердца и излишней прямоты. Мы уважали его за честность, принципиальность и бескомпромиссность. В свою очередь, Григорий Самуилович очень ценил СПбСУ, понимал его важность и уникальность, возможность свободного общения с учёными самых разных специальностей в области естественных, социальных и гуманитарных наук. Его мнение, в какой бы форме он его не высказывал, всегда принималось нами во внимание в той или иной форме. Хотя у меня и у него были довольно разные характеры, и я более компромиссно отношусь к людям и

событиям, тем не менее мы хорошо понимали и уважали друг друга, даже если наши взгляды иногда не совпадали.

Очень печально, когда уходят такие замечательные, достойные люди и учёные. Григорий Самуилович Цейтин – неотъемлемая часть истории нашей науки и Санкт-Петербургского союза учёных. Будем его всегда помнить...